

соборнаа церковь пречистыа богородици Успение, златоверхаа нарицаемаа, 5 бо верхов златых имеа, в ней же чюдотворнаа икона пречистыа Богородицы, иже многа чюдеса и знамена сотворяеть и поганыа устрашает“.¹ Из этой записи следует, что после 1395 года Владимирская икона была снова возвращена во Владимир. Это обстоятельство только подтверждает возможность того, что и в 1380 году эта икона временно находилась в Москве.

Следовательно, есть основания утверждать, что упоминание в „Сказании“ Владимирской иконы не анахронизм, а отражение действительного факта.

Но если даже это предположение не может быть принято и мы имеем в „Сказании“ ошибку, то это говорит лишь о том, что „Сказание“ было написано после 1395 года, и такая ошибка могла быть допущена именно вскоре после 1395 года, так как после отступления Тамерлана с Владимирской иконой связывалось представление о ее особой силе как защитницы Москвы от поганых, и поэтому-то автор отметил, что перед походом на битву с татарами Дмитрий молился перед этой иконой.

Следующим анахронизмом считается упоминание в тексте „Сказания“ снохи великой княгини. После описания выезда воинов из Москвы говорится, что великая княгиня возвращается в терем со своею снохою, княгинями и воеводскими женами.

В основном тексте и в некоторых других списках „Сказания“ это место читается так: „Княгиня ж великаа Евдокия с своею снохою, княгинею Володимеровою Мариею и с воеводскими женами...“. По структуре этой фразы мы видим, что снохою великой княгини названа жена князя Владимира Андреевича. Владимир Андреевич был младше Дмитрия Донского и приходился ему двоюродным братом. По феодальным представлениям, Дмитрий был Владимиру „в отца место“, и поэтому жена Владимира, т. е. жена младшего князя и по феодальной иерархии, и по чисто родственным кровным отношениям, по отношению к жене старшего могла быть названа ее снохой. Жену Владимира Андреевича звали Еленой, а в приведенном выше тексте она названа Марией. Как известно, Елена, дочь Ольгерда, была из Литвы, а сведений о том, была ли она православного вероисповедания или католического и меняла ли свое имя по пришествии на Русь, у нас нет, и, может быть, в данном случае перед нами ее второе имя, о котором в летописных записях ничего не было сказано, а автор „Сказания“ назвал ее этим вторым именем, известным только современникам.

Если же предлагаемое объяснение нельзя считать удовлетворительным, то остается предположить, что слова о снохе являются случайной опиской. Такая ошибка могла быть сделана автором или переписчиком в близком к авторскому тексту списке. Она не может свидетельствовать о более позднем, чем начало XV века, происхождении „Сказания“ (тогда у великой княгини московской было уже несколько снох), так как в остальном рассматриваемое место „Сказания“ говорит о прекрасном знании автором действительных фактов: он знает, что в 1380 году у Дмитрия было два сына, знает, что они еще молоды, знает их имена.

Наконец, к числу анахронизмов „Сказания“ относят упоминание в числе князей, принявших участие в походе, князей кемских, андомских, каргопольских, прозоровских и курбских, а также слова о том, что в битве было убито 8 белозерских князей. Но в обоих этих слу-

¹ ПСРЛ, т. XI, 1897, стр. 237.